

Школа и её окрестности

Разговорчики в строю

Евгений Александрович Ямбург,
член-корреспондент РАО,
директор Центра образования № 109
г. Москвы, доктор педагогических наук

Время переломилось, и сегодня мы имеем дело с иной, часто более жёсткой социально-психологической и педагогической реальностью, подчас достаточно циничной, неизбежно оставляющей рубцы на сердце совестливого педагога. Сохранять олимпийское спокойствие в таких обстоятельствах могут лишь высоколобые интеллектуалы или циники (часто эти жизненные позиции совпадают). Вспомним анекдот: больной дрожащим голосом обращается к врачу: «Доктор, я буду жить?» А эскулап невозмутимо отвечает: «А смысл?» Учитель, как и врач, не может успокоить себя мыслью о бренности всего земного, отстранённо наблюдая за нарастанием массовых эпидемий, какого бы происхождения — инфекционного или нравственного — они ни были. Неутомимый практик, он работает здесь и сейчас. Но где и в чём искать опору? Как научиться самостоянию и передать это редкое по нынешним временам качество своим воспитанникам? Готовых ответов нет, но важно хотя бы приступить к их поиску. Способ поиска — напряжённый, трезвый, мужественный разговор. С кем? Для начала хотя бы с самим собой, как в публикуемых в этом и следующих номерах журнала заметках автора — фрагментах из его новой книги, которая готовится к печати.

- педагогическая реальность • самостояние • унификация • идеология
- школьные традиции • прощальный спектакль • драматургия «капустника»
- эмоциональный сдвиг • дистанция • педагогические провокации

Десятилетиями педагогов муштровали, приучая ходить строем. А как иначе? Педагог — боец идеологического фронта. На войне, как на войне: обсуждение приказов — воинское преступление. Между тем линия фронта рассыпалась на глазах, взрывались казавшиеся вечными укрепления: воинствующий атеизм, идеологический диктат партии и т.п.

Наконец, «единственно верная» идеология рухнула, но глубоко укоренённая, вьёвшаяся в кровь и плоть привычка к построению осталась. Не зря народная мудрость гласит: привычка — вторая натура.

И вот уже новые поколения учителей, не прошедшие тотальной идеологической

обработки, не справляясь с новой педагогической реальностью, списывают свою беспомощность на отсутствие единой для всех граждан государственной идеологии. Многие педагоги попросту страдают без чётких установок и предписаний. «Дайте нам флаг в руки, укажите цель, утвердите унифицированные учебники по истории, литературе и т.п. Мы запутались и требуем ясности». Им опять хочется в строй, там легче и спокойней.

На этот вечный (для нашего Отечества) зов с энтузиазмом откликаются администраторы всех уровней. Унификация — альфа и омега любого контроля. Контроль повышает управляемость. Не зря же, как утверждал классик, социализм есть контроль и учёт. В результате вновь достигнутого трогательного единства «партии и народа» стихают дискуссии, люди перестают ставить вопросы. В сокмнутых колоннах педагоги обретают утраченные уверенность и спокойствие.

Оборотной стороной такой безмятежности неизбежно становится утрата творчества. Того самого творчества, которое по большому счёту и создаёт человека: как учителя, так и ребёнка. Инициативность, неординарность и самобытность воспринимаются как прямая угроза порядку, но это именно те качества личности, которые сегодня наиболее востребованы временем. На угрозы и вызовы нового тысячелетия адекватно ответить может только свободный человек, не боящийся принимать нестандартные решения и брать на себя ответственность за их реализацию. Подготовка таких людей — важнейшая задача школы.

Что касается единой идеологии, то надо раз и навсегда понять и принять как данность, что в сложном дифференцированном обществе нет и не может быть единой идеологии, которую разделяли бы все без исключения граждане: верующие и атеисты, либералы и демократы, олигархи и интеллигенты оруджавского разлива. Отсюда единственный способ полноценного достойного существова-

ния — это налаженный постоянный диалог между людьми, исповедующими разные убеждения, каким бы сложным он ни был, каким бы малоперспективным ни казался. Не зря сказано от века: «Вначале было Слово».

«Разговорчики в строю» — армейское замечание старшего по званию, за которым обычно следует серьёзное наказание. Боязнь наказания — ещё одна не изжитая эмоция, окрашивающая деятельность педагога в унылые серые тона. Но раб может воспитать только раба. Деваться некуда, рано или поздно, лучше раньше, надо приучаться жить своим умом, не опасаясь получить наряд вне очереди от офицеров человеческих душ, в каком бы облачении — светском или духовном — они сегодня ни выступали.

«Но поражение от победы ты сам не должен отличать?»

*А надо жить без самозванства.
Б. Пастернак*

Грустно размышляю над известной строкой Б. Пастернака, превратив её из утверждения в вопрос: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать?». Поводом послужил оглушительный успех последнего «капустника».

Это давняя традиция школы, которую я сам же завёл более тридцати лет назад. Ни один выпуск не ушёл с праздника «Последнего звонка», не отыграв свой прощальный спектакль. С каждым годом удивить искушённую публику становится всё труднее. В набитом до отказа зале — педагоги, выпускники прошлых лет, ревниво сравнивающие происходящее на сцене со своим спектаклем, родители — солидные папы и мамы, многие из которых четверть века назад блистали на этих же подмостках. В такой аудитории повторять старые шутки и избитые сюжетные ходы невозможно. Не говоря уже о том, что стремительно меняющееся время ломает

старые вкусы, требует иного темпоритма, новых сценических решений.

Помимо прочего, каждый новый спектакль (этот — сто сорок пятый!) — серьёзный экзамен для директора. Требуя с других, покажи, на что способен сам. Не утерять ли за бездной хозяйственных и организационных забот педагогические навыки? Можешь ли увлечь за собой нынешних прагматичных, до предела занятых выпускников?

Допускаю, что сегодня со стороны эти проблемы выглядят ретрочуждостью. Управленческая мода резко изменилась: ныне идеальный директор уже не первый педагог и учитель учителей, но прежде всего успешный менеджер, а точнее — кризисный управляющий, обеспечивающий эффективное расходование бюджетных средств и привлечение дополнительных источников финансирования. Любопытно, что А.С. Макаренко удавалось с успехом совмещать обе эти ипостаси руководителя.

На сей раз, как, впрочем, и всегда, сюжет подсказала сама жизнь. Целый год школа отмечала юбилей А.П. Чехова, и не было класса, который не показал бы свой спектакль на театральном фестивале. А в то же самое время за пределами школы миллионы людей, для которых юбилей классика прошёл незамеченным, надев очки 3D, припали к экранам, восхищаясь фильмом «Аватар». Грех было не столкнуться эти два события.

И опускались в прологе спектакля с потолка на сцену синюшные существа, сплетающиеся в странном танце, и замирал в изумлении Антон Павлович, вопрошая: «Что означает сей ужас?» Ему популярно объясняют, почему он «не догоняет». Оказывается, всё дело в оптике. Если бы безнадежно отставший от прогресса классик сменил своё знаменитое пенсне на очки 3D, он бы думал и писал совсем по-другому. Писатель соглашается на эксперимент, но одному ему трудно противостоять напору попсы в соблазнительной технологической упаковке. Поэтому приходится использовать возможности клонирования, после чего на сцене с переменным успехом единым фронтом против пошлости начинают выступать сразу пять Чеховых. Идея позаимствована у Ю.П. Любимова: в его знаменитом спектак-

ле семидесятых годов «Послушайте» одновременно участвовали пять Маяковских.

Так выстраивается драматургия «капустника», определяется его сквозное действие, а дальше — не очень простой, не очень лёгкий, но зато вдохновенный труд. Всё на ходу, всё в движении, всё в пожаре: сочинить и отрепетировать новые сцены, придумать дивертисменты, поставить танцевальные номера, создать световые и звуковые партитуры.

На сей раз результат превзошёл ожидания даже нашей искушённой и избалованной публики. Труппа выпускников работала самоотверженно. Сложнейшие джазовые вокальные номера сменялись танцами, интеллигентные шутки взрывали зал смехом, изготовленные ребятами видеоклипы и презентации включались вовремя, не ломая высокий темпоритм спектакля, лирические сцены удачно сочетались с гротескными и комическими номерами. Одним словом, выпускники этого года общими усилиями создали сумасшедшую атмосферу праздника, и забитый до отказа благодарный зал аплодировал им стоя. Чего ж ещё желать?

Тем не менее, за сакраментальным вопросом: «Ты сам доволен ли, взыскательный художник?» следует трезвый нелюдный ответ: нет! И качество спектакля здесь абсолютно ни при чём? Что же не так?

Начнём с конца: впервые за долгие годы не случилось того, что обычно происходило на следующий день после премьеры. В искусстве в целом и в педагогике в частности, которая отчасти наука, а в известной степени искусство, существует известный эффект последствия. Это же так естественно: сделав красивое общее дело, подергав за хвост славу, на следующий день обратиться всем вместе, чтобы посмотреть свежую видеозапись, заново переживая

случившееся, оценить свою работу со стороны и, между прочим, поблагодарить директора, по совместительству режиссёра. На сей раз не пришёл никто!

— Ожидал ли ты такого поворота?

— Почти со стопроцентной уверенностью. Слишком многое в поведении старшеклассников во время репетиций указывало именно на такое развитие событий.

— Быть может, закрыть глаза на эту эмоциональную недоразвитость? Не связана ли она с возросшей нервной и психологической нагрузкой? Ведь на следующий день был ЕГЭ.

— Форма экзамена, как к ней ни относиться, здесь не имеет абсолютно никакого значения. Напротив, сбросив с себя груз первого государственного испытания, самое время вечером того же дня, собравшись вместе, заново, час за часом, пережить общий для всех праздник. Тем более что к следующему экзамену в день сдачи предыдущего, как правило, ребята не готовятся.

Причины

— Можешь ли ты назвать объективные и субъективные причины такого серьёзного эмоционального сдвига? Что с ними случилось — со старшеклассниками 2010 года, в какой ступор они попали?

— Начнём с объективных, не зависящих от педагогов причин — и прежде всего с нравственного, социально-психологического и эмоционального состояния общества, на фоне которого наши усилия часто не приводят к желаемому результату. Школа стоит не на Луне. Это не я сказал, это Януш Корчак.

Сменились ценностные ориентации. На смену культу коллективизма приходит фетишизация индивидуализма, что совершенно есте-

ственно в условиях модернизации. Сегодня, действительно, в первую очередь востребованы такие черты личности, как инициативность, конкурентоспособность, стремление к успеху в достижении поставленной цели и другие подобные доблести. Другое дело, что по большому счёту оппозиция коллективизма и индивидуализма — ложная, сбивающая с толку неискушённого человека. (А кто из молодых искушён?) И для достижения успеха совершенно не обязательно расталкивать локтями окружающих и тем более топтать их ногами. Напротив, именно умение взаимодействовать с другими людьми, командная работа чаще всего приводят к успеху. (В чём, помимо прочего, смогли убедиться выпускники на своём прощальном спектакле.)

В предшествующую советскую эпоху, откуда родом мы, стареющие педагоги, перебирали с коллективизмом, во имя которого могли беспощадно подавить индивидуальность — будь то выстраданное мировоззрение или настигшая семейного человека новая любовь. Сегодня маятник резко пошёл в другую сторону. В условиях нецивилизованного рынка в цене напор и натиск, ломающие всех и всё вокруг и вносящие в жизнь закон джунглей.

Позиция учителя

В педагогическом, да и в человеческом плане одинаково бессмысленна как ностальгия по утраченному коллективному «раю», так и безропотная поэтизация «супергероя», живущего по ту сторону добра и зла. Философский ключ к разрешению этого мнимого противоречия дал философ Г. Померанц: *любой принцип, доведённый до конца, превращает жизнь человека в ад.*

Между тем педагог не может остановиться и успокоиться на чисто умозрительном разрешении проблемы, он призван действовать здесь и сейчас. Действовать, трезво оценивая реальность и свои шансы на успех, не впадая

в уныние при неизбежных неудачах. В практическом плане это означает, что в силу нравственной и профессиональной ответственности, он вынужден всегда плыть против течения, уравнивая крайности: в условиях тотального насаждения коллективизма пестовать индивидуальность, а в среде жаждущих успеха одиночек утратить свои усилия по их сплочению, не боясь при этом выглядеть наивным и архаичным.

Ясно, что такая позиция учителя крайне уязвима и даже опасна: государство, социум ожидают, что он будет шагать в ногу со всей ротой, а он упорно идёт своей дорогой, полагая, что нравственное содержание эпохи напрямую зависит от состояния человеческой души. Он должен ответить на главный вопрос: вокруг каких ценностей должно добиваться сплочения вступающих в жизнь поколений? Задача сама по себе необыкновенно трудная, а тут ещё повсеместно углубляющееся отчуждение людей. Солидарность — но какими средствами? Единение — но во имя чего? Коллектив — но всего лишь ладно подогнанных винтиков или всё-таки сообщество неповторимых личностей?

Слишком велик соблазн использовать в благородных целях то, что само идёт в руки, а по сути, является искушением. И в малом педагогическом формате, и в широком историческом контексте эйфория от одержанных побед не должна заслонять анализа причин поражений.

— Итак, ты склонен объяснять поведение выпускников объективными причинами? Нынешний моральный и психологический климат сделал их прагматичными, чёрствыми людьми? Так?

— Не совсем. Как справедливо было замечено ещё в замечательном сборнике «Вехи», обвинять во всех случаях начальство и обстоятельства жизни есть умственная и нравственная лень, рудимент рабской психологии.

— Тогда разберись со своими собственными просчётами. В конце концов, если бы молодые люди все до единого были поражены прагматизмом, разве стали бы они днями и вечерами, включая выходные и праздники, мучиться в репетиционном зале? По приказу такие вещи не делаются. Здесь нужны энтузиазм и вдохновение.

— Ну, положим, тут сработала мощная традиция, существующая с момента основания школы. Многие из их родителей, старшие братья и сёстры ещё в прошлом веке (!) участвовали в театральном процании на «Последнем звонке».

— Что ж, традиция в немалой степени определяет уклад жизни школы, стиль взаимоотношений учителей и учеников. Но может быть, в её глубине появилось нечто такое, что при всех её неоспоримых достоинствах спровоцировало потребительское отношение к тебе и твоим коллегам.

— Пожалуй... Многое, слишком многое настораживало меня с самого начала подготовки к празднику. Год на год неприводится, всякие бывают выпуски, в том числе различные по творческому потенциалу и артистическим данным. Слов нет, последний — один из ярких. Красивые, самобытные ребята, многие из них обладают хорошими вокальными данными, природной пластикой, отличаются внутренней раскованностью. (Идущие год из года театральные фестивали не прошли даром, оставив на них свой отпечаток.) Но главное даже не эти необходимые для спектакля актёрские качества. Важнее другое: при первой же встрече я уловил азарт в их глазах, почувствовал желание работать.

Неформальный лидер — творческая группа

Дальше вроде бы всё как обычно: человек пятьдесят набивается в директорский кабинет. Спрашиваю: «Все видели, что у меня есть пиджак?» После недолгих кивков демонстративно снимаю с себя пиджак и галстук — атрибуты начальственного величия, объясняя, что отныне мы одна команда, где напрочь отсутствует властная вертикаль. Самые смелые, самые нестандартные идеи — давайте, ребята! Беспощадная критика

с обеих сторон из всех стволов, невзирая на чины и звания. (И это при всём том, что некоторые из членов команды не раз бывали «на ковре» у директора по весьма печальным поводам.) Иначе нельзя. Для того чтобы запустить творческие механизмы, необходимо снять административный барьер, изменить социальные роли. Отношения «директор — ученик» должны трансформироваться в связку: «неформальный лидер — творческая группа».

Одним словом, творческий процесс неизбежно требует *раскрепощения* его участников. Но *раскрепощение при отсутствии культуры может обернуться неприятными результатами*. По сути, речь идёт о вечной проблеме педагогической дистанции.

Дистанция

Все предшествующие десятилетия, вытесняя мертвящий дух казённости, я только и делал, что по возможности сокращал эту дистанцию, поощряя и даже культивируя многие вольности. Дружеские шаржи на педагогов, украшающие первый этаж школы, где обычно в советское время полагалось вывешивать портреты членов Политбюро ЦК КПСС, кукла директора в канцелярии, те же «капустники», которые постепенно спускались на уровень девярых и даже четвёртых классов. У них в этой весёлой театральной форме с непосредственным участием детей, педагогов и родителей до сих пор проходит праздник прощания с первыми учителями. Всё это и многое другое десятилетиями формировало уклад жизни школы, её дух, демократический стиль управления. Что, разумеется, не могло не встречать начальственного и иного (даже в академических кругах) сопротивления, не вызывать упреков в подрыве авторитета учителя. Напротив, воспитанники, как мне представляется по разговорам с выпускниками, по достоинству оценили эту редкую для застойной эпохи атмосферу. Окружающая их жизнь с её фальшью и формализмом слишком резко контрастиро-

вала с тем, что они получали в школе. Как призывает сегодняшняя реклама: «Почувствуйте разницу!». И они её ощущали, а потому бережно относились как к самым добрым традициям, так и к их носителям, педагогам, никогда не позволяя себе «сесть на голову» тем, кто сознательно сокращал дистанцию между учительским столом и ученической партией.

Тем временем грянула смена эпох. Из школы, да и не только из неё, исчезли наиболее одиозные формы идеологического и административного диктата. Мы благополучно вписались в новый формат жизни, почти ничего не меняя в традициях и стиле отношений с учениками. Они же, в свою очередь, стали постепенно с годами воспринимать все эти, когда-то редкие, достоинства школы как должные, само собой разумеющиеся: педагоги просто обязаны обеспечивать им комфортное существование.

И здесь не было бы ничего противоестественного (в конце концов, нельзя же вечно строить уклад жизни школы на противопоставлении, по вдохновенной, но, по сути, грустной формуле: «нам целый мир чужбина — отечество нам Царское Село»), когда бы не печальное наблюдение, лаконично сформулированное одним из наших педагогов: «За последние годы в школе всё чаще стали проявляться нахалы с сильно развитым чувством собственного достоинства».

— Не слишком ли резко? Не через край ли? Во-первых, не все молодые люди таковы, а во-вторых, трудно винить детей за грехи отцов, которые «весомо, грубо, зримо» демонстрируют образцы раскрепощённого поведения при недоразвитии культуры.

— Тем не менее, тенденция уловлена верно. Я бы сформулировал настораживающее меня в молодых качество несколько мягче: бесцеремонность. Её разнообразные проявления я наблюдал в период подготовки к «последнему звонку».

Репетиции

За долгие годы совместных «мучений» мы научились работать по принципу сообщающихся сосудов. На каждого из нас временами накатывает усталость, то и дело возникают неизбежные творческие тупики: то не идёт песня, то рассыпается танец. И тогда мы по очереди перехватываем инициативу ведения репетиции, предоставляя друг другу возможность, собравшись с силами и мыслями, искать выход. Не находя его, не впадаем в отчаяние, а начинаем «валять дурака». Со стороны, если наблюдать происходящее скептическим взглядом, мы, вероятно, напоминаем городских сумасшедших: солидные взрослые люди дурачатся и подначивают друг друга, ничуть не стесняясь «зелёной» молодёжи.

Но шутки в сторону. Разворачивается серьёзный педагогический процесс, где в карнавальной, смеховой стихии (почти по Бахтину) в наш прагматический век восполняется общее эмоциональное недоразвитие, преодолевается разобщение, приобретается бесценный опыт бескорыстной солидарности людей разных поколений, делающих красивое общее дело, умеющих доставлять радость себе и окружающим. А разве этот скрытый посыл не дошёл до адресата? Ещё как дошёл! Иначе стали бы эти молодые прагматики тратить столько сил и времени? Воспитание горением — кажется, так это формулируется.

Специфика нашего труда диктует, однако, золотое правило: при самых ярких впечатлениях и огромном эмоциональном подъёме никогда нельзя терять бдительность. Если ослабишь контроль над ситуацией, она немедленно выйдет из берегов. Да, карнавальная стихия раскрепощает личность, но она же, ниспровергая ложные кумиры, высмеивая ханжество всех сортов, переворачивает мир с ног на голову, разрушает любую иерархию, принципиально работает на снижение, используя все доступные средства, включая шутки на грани фола и явные непристойности. А вот этого нам не надо.

Где? Кому? С кем? И как шутить, неизменно сохраняя чувство такта, учитывая при этом возраст, пол, психологию, состояние человека, национальные и прочие особенности объекта юмора? Отчасти такая работа происходит уже при создании сценария. Ведь каждая сцена

посвящена какому-то педагогу. Одно дело — тонкая, ранимая натура учительницы N, и совсем другое — весельчак физкультурник, мгновенно принимающий условия игры. Придётся чередовать лирические и комические номера, что только добавит спектаклю дополнительные краски. То же относится и к музыкальной аранжировке. Разумеется, выпускники предлагают близкие им по духу мелодии, отличающиеся жёсткими ритмами, но это не только их праздник. В зале, помимо их сверстников, будут присутствовать учителя, родители, бабушки и дедушки. Игнорировать вкусы и пристрастия этих родных и близких тебе людей, задавив их, к примеру, тяжёлым роком, эгоистично и бестактно. Следовательно, договариваемся о разумном балансе музыкального оформления спектакля. В процессе репетиций «неожиданно» выясняется, что многие классические и джазовые композиции отнюдь не архаика («отстой» на языке нынешней молодёжи), но способны и сегодня вызывать восхищение у любого поколения.

Буквально с первых же дней работы на сценической площадке выделяется несколько звёзд, а точнее, «звездочек», поскольку это девушки. Они действительно артистичны, пластичны, вдобавок обладают хорошим слухом и приличными вокальными данными. Но это ещё не повод приходить на репетиции только к своему выходу и покидать зал сразу, как только начинается постановка массовых сцен. Здесь не помогут призывы соблюдать солидарность и стремиться к созданию творческого ансамбля. Одна из них, с недоумением встретив мои упрёки, раздражённо бросает:

— А что нам лишний раз приходить? Всё равно вас здесь, как режиссёра, только мы одни по-настоящему и понимаем.

Каково? Получается, что все остальные — так, серость, массовка. Что ж, поскольку словесная терапия не помогает,

придётся использовать хирургические методы лечения «звёздной» болезни.

Резко меняю план и порядок репетиций. Немедленно приступаем к отработке финального танца. Сложнейший рисунок, бешеный темп, заводная мелодия. Выпускники сами предложили этот эффектный финал. На сцене придётся одновременно синхронно работать более тридцати исполнителям. Каждое движение необходимо доводить до полного автоматизма, не говоря уже о чётком взаимодействии партнёров по танцу. Никаких сольных выходов здесь не предусматривается. От желающих участвовать в таком эффектном номере нет отбоя. «Звёзды» — не исключение. Что вполне естественно, ибо, как заметил ещё Штирлиц в известном фильме, больше всего запоминается последняя фраза. Сознательно нагнетаю ажиотаж, заявив, что в первую линию танца встанут самые подготовленные, остальные уйдут в глубину сцены.

А дальше работа до седьмого пота, бесконечные повторы сложных движений, подбадривание режиссёра: «Ещё пятьдесят четыре ведра — и золотой ключик наш». Так постепенно уходит стремление, как говорят на театре, тянуть одеяло на себя, рождается такое необходимое взаимодействие (и не только в групповых танцах), когда при необходимости вся свита играет короля. Словом, на ходу постигается мысль классика мировой режиссуры, призывавшего видеть не себя в искусстве, а искусство в себе.

Быть может, стоит научиться не обращать внимания на досадные мелочи. Ведь общий итог совместной работы превосходит все мои ожидания. Непрерывающийся шквал аплодисментов — награда за один из самых ярких спектаклей в истории школы. Будучи по природе человеком несентиментальным, на переполненной сцене впервые в жизни признаюсь в любви к своим добровольным помощникам. По разгоряченным лицам было видно, как они счастливы, ценой невероятных усилий сделав красивое общее дело. Тем не менее, на следующий день не пришёл никто.

Педагогические провокации

— Обиделся ли ты на неблагоприятных выпускников?

— Когда Антона Семёновича Макаренко спрашивали об отношении к нему воспитанников, он отвечал довольно жёстко: «Я не нуждаюсь в их припадочной любви». В этом отличие его мужской педагогики от дамских стремлений любой ценой выжать из подопечных трепетное обожание. Другое дело, что чувство благодарности тоже надо воспитывать.

— Догадывался ли ты о таком развитии событий?

— Почти наверняка был уверен, что так оно и будет.

— Можно ли было предотвратить этот досадный промах ребят?

— Элементарно. Достаточно было во всеуслышание объявить место и время встречи, и тогда все явились бы как миленькие.

— Получается, что ты сознательно спровоцировал молодых людей?

— Грешен.

— Тогда в чём смысл этой педагогической провокации?

— Дожив до семнадцати лет, покидая стены школы, молодым людям пора бы научиться действовать без подсказок. Пока они к этому не готовы, следовательно, нужен небольшой скандал, который при определённых условиях является воспитательным средством.

— Что это за условия?

— Их несколько. Во-первых, не стоит скандалить по горячим следам. Если взорваться немедленно, у них будет полное ощущение того, что в педагоге говорит

исключительно личная обида. Для высказывания претензий и трезвого «разбора полётов» необходима временная дистанция. (Хотя бы несколько дней.) Во-вторых, поводом для разговора должно послужить другое событие, гораздо более серьёзное, нежели досадный, но малозначимый в их глазах эпизод. И наконец, нужно ясно представлять себе, во имя чего затевается скандал? Здесь как раз всё ясно. До последней минуты пребывания воспитанников в школе мы не перестаём оставаться педагогами. Легче всего «умыть руки», не затрачивая нервы на тех, кто всего через несколько недель покинет школу. Но такую позицию не назовёшь профессиональной. В данном случае я отмечаю два существенных дефекта: отсутствие чувства дистанции и неумение быть благодарными к тем, кому они многим обязаны. Остаётся дожидаться повода для последнего разговора.

Такт

— А ты уверен, что такой повод найдётся?

— Люди бестактные ежедневно рискуют попасть в неприятную ситуацию. Ожидаемый «подарок» я получил в день начала ЕГЭ. Нет, нарушения строгой процедуры его проведения со стороны выпускников не было. Но за несколько минут до начала один из моих подопечных обратился к однокласснику с техническим вопросом: у кого получить бланки? «Вон у той старой тётки», — прозвучал незатейливый хамский ответ. Пожилая дама (это, более изысканное определение пола и возраста не пришло в голову выпускнику) учинила скандал и потребовала удалить его с экзамена. Мне пришлось урегулировать конфликт, принеся извинения за этого, как бы мягче выразиться, не *comme il faut*. Выступив в роли спасителя заблудшего выпускника в ответственный момент его жизни, я получил повод высказать всё, что накопилось в душе.

На следующий день, собрав ребят, не щадя их самолюбия, я проанализировал все их вольные и невольные прегрешения, не забыв упомянуть о чёрной неблагодарности по отношению к режиссёру: «Мне она не нужна. Возможно, некоторых из вас спустя месяц я никогда больше не увижу, но вам жить дальше в сложном мире, где не прощается малейшая оплошность. Инцидент на экзамене не случайность, а воп-

не закономерный результат общего недоразвития культуры. Отсутствие такта, простите за резкость, обидление ещё не раз поставят вас в подобные и ещё более неприятные ситуации»...

Территория культуры

Произнося эту гневную филиппику, я отдавал себе отчёт в том, что для части выпускников она звучит «гласом вопиющего в пустыне». В силу неизбывного идеализма и проклятия профессии, до тех пор «пока мне рот не забили глиной» (И. Бродский), я обречён упрямо, с благодарностью к жизни, отстаивать заповедную территорию культуры.

— Но стоит ли биться головой о стену, решая явно утопические задачи? Заповедная территория — звучит возвышенно, заповедник — более прагматично, поскольку для его сохранения в первоизданном виде требуется охрана, часто вооружённая. И наконец, резервация — совсем иной смысл. Пафос уходит, остаётся горькое ощущение искусственного, вымороженного существования в отведённых границах, отгороженных от мира колючей проволокой, пусть даже проволока виртуальная, а колючками служат твои едкие саркастические высказывания. Зримое воплощение такой резервации — великолепный телеканал «Культура», смотрят который 2% зрителей. Какие претензии здесь могут быть к юношеству?

— Стоп. Не сегодня всё это началось, ты не первый, кто мучительно ищет выход, в меру своих скромных сил, пытаюсь противостоять напору воинствующей пошлости.

— Ты хочешь сказать, что разговор только с самим собой не даёт достаточной опоры для педагогического стоицизма?

— Именно. Нельзя исключать возможность посоветоваться с достойными

людьми, даже если они давно прекратили своё земное существование.

Передо мной фотография. Светлое одухотворённое лицо, мягкая улыбка, внимательный взгляд сквозь круглые линзы очков. Типичный интеллигент: немецкий философ и теолог Дитрих фон Бонхёффер. Ему всего тридцать четыре года, но жизнь подходит к концу. Участник заговора против Гитлера — в 1944 году в нацистской тюрьме он ожидает смертной казни¹, при этом не переставая заниматься странной для его положения философской рефлексией. Неисповедимыми путями «Письма к другу» попадают на волю. В них он ставил знак равенства между чувством дистанции и качеством личности человека. Привожу одно из его последних писем из тюрьмы:

«Если у нас недостаёт мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. Нахальство, суть которого в игнорировании всех дистанций, существующих между людьми, так же характеризует чернь, как и внутренняя неуверенность; заигрывание с хамом, подлаживание под быдло ведёт к собственному оподлению. (Здесь и далее выделено мной. — Е.Я.) Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, там хаос у порога. Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и в том месте, где мы поставлены, потоками разливаются хаос, причём вина за это ложится на нас. В иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня оно со всей страстью должно выступать за уважение к дистанции между людьми и за внимание к качеству. Подозрения в своекорыстии, основанные на кривотолках, дешёвые обвинения в антиобщественных взглядах — ко всему этому надо быть готовым. Это неизбежные придирки черни к порядку. Кто поз-

¹ Арестован в апреле 1943 г., казнен в апреле 1945-го.

воляет себе расслабиться, смутить себя, тот не понимает, о чём идёт речь, и, вероятно, даже в чём-то заслужил эти попреки.

Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоёв и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до сих пор существующих слоёв общества. Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному осознанию того, кто кому и чем обязан, благодаря очевидному требованию подобающего уважения к тому, кто этого заслуживает, а также благодаря столь же принятому уважению как вышестоящих, так и нижестоящих. Главное — это расчистить и высвободить погребённый в глубине души опыт качества, главное — восстановить порядок на основе качества. Качество — заклятый враг омассовления.

В социальном отношении это означает отказ от погони за положением в обществе, разрыв со всякого рода культом звёзд, непредвзятый взгляд как вверх, так и вниз (особенно при выборе узкого круга друзей), радость от частной, сокровенной жизни, но и мужественное приятие жизни общественной. С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио к книге, от спешки — к досугу и тишине, от рассеяния — к концентрации, от сенсации — к размышлению, от идеала виртуозности — к искусству, от снобизма — к скромности, от недостатка чувства меры — к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные — друг друга дополняют»².

Дитрих Бонхёффер писал эти строки в нацистской Германии, но наступление хамства в истории периодически принимает разнообразные идеологические и политические формы, в том числе рыночно-демократические. Поэтому и спустя десятилетия призыв расчистить и высвободить погребённый в глубине души опыт качества не теряет своей актуальности. **НО**

² Музей человека. Серия «Антология выставления и преобразования — век XX». М., 2002. С. 42–43.